

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.2

Индивидуальная и коллективная историческая память

¹ Воробьева Н.В.,

¹ Омский государственный университет путей сообщения

Аннотация: целью статьи является описание результатов исследования исторической памяти. В данной статье на основе интервьюирования выявляются и анализируются наиболее значимые события индивидуальной и коллективной исторической памяти. Автор отмечает, что государственная политика памяти направлена на противодействие фальсификации истории, укреплению гражданственности и патриотизма и включает национально-государственные символы, официальные подходы к трактовке исторических событий, а также региональные, социокультурные, поколенческие и иные поля коммеморации, в рамках которых происходит осмысление значимых исторических достижений общества и государства. Наиболее важными этапами исторического процесса обучающиеся воспринимают те, которые стали важной частью личного или семейного опыта и являются травматичными: участие в добровольных или насильственных переселениях, войны и военные конфликты, техногенные катастрофы. На основе проведенного исследования автор пришел к выводу о том, что организованные формы публичной коммеморации и личные свидетельства, воспоминания об историческом процессе зачастую находятся в конфронтации, оспаривая понимание смысла того или иного исторического явления. Практическое применение выводов статьи: создание архивов исторической семейной памяти обучающихся.

Ключевые слова: идентичность, историческая память, историческое сознание молодежи, индивидуальная историческая память, коллективная историческая память

Для цитирования: Воробьева Н.В. Индивидуальная и коллективная историческая память // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 33 – 38.

Поступила в редакцию: 4 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Individual and collective historical memory

¹ Vorobyeva N.V.,

¹ Omsk State Transport University

Abstract: the purpose of the article is to describe the results of the study of historical memory. In this article, based on interviews, the most significant events of individual and collective historical memory are identified and analyzed. The author notes that the state policy of memory is aimed at counteracting the falsification of history, strengthening civic consciousness and patriotism and includes national and state symbols, official approaches to the interpretation of historical events, as well as regional, socio-cultural, generational and other fields of commemoration, within which the understanding of significant historical achievements of society and the state occurs. Based on the conducted research, the author came to the conclusion that organized forms of public commemoration and personal testimonies, memories of the historical process are often in confrontation, challenging the understanding of the meaning of a particular historical phenomenon. Students perceive the most important stages of the historical process to be those that have become an important part of personal or family experience and are traumatic: partici-

pation in voluntary or forced displacements, wars and military conflicts, man-made disasters. Practical application of the article's conclusions: creation of archives of historical family memory of students.

Keywords: identity, historical memory, historical consciousness of youth, individual historical memory, collective historical memory

For citation: Vorobyeva N.V. Individual and collective historical memory. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 33 – 38.

The article was submitted: February 4, 2025; Approved after reviewing: April 2, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Связи между культурой и памятью активно изучались историками, социологами, психологами, антропологами и литературными теоретиками на протяжении большей части прошлого века, наиболее интенсивно с 1925 г., когда Морис Хальбвакс опубликовал «Социальное обрамление памяти» (*Les Cadres Sociaux de la Mémoire*). Им были определены фундаментальные базовые аспекты теории памяти, существенно повлиявшие на векторы развития научного направления [1, с. 8-27].

Память и сам процесс коммеморации, таким образом, считаются сконструированными и следовательно, не точными, intersubjective и контекстуальными в своей зависимости не только от множества людей, но и от множества объектов, пространств и практик (и в этом смысле также распределенными); и опосредованными многочисленными устройствами, такими как книги, карты, календари, изображения, язык и прочее.

Материалы и методы исследований

Под понятием «коммеморативное поле» мы понимаем комплекс социокультурных и социополитических практик связанных как с восприятием официальной политики памяти, так и комплексом индивидуальных условий социализации и инкультурации. В исследовании индивидуальной исторической памяти приняли участие 116 первокурсников Омского автобронетанкового инженерного института. На основании опросника «Моя семья в истории страны» проведено интервьюирование респондентов.

Результаты и обсуждения

Начиная с 1980-х гг. происходит поворот к осознанному примирению с «жестоким прошлым авторитарных режимов» и универсализация концепта «права человека». Появление указанного концепта как глобальной парадигмы стало очевидным обоснованием легитимизации войн, оккупации и прочих немирных средств решения геополитических споров. В монографии американских ученых Эрика Лангенбахера (факультет государственного управления Джорджтаунского университета) и Йоси Шайна (Йельский университет) «Власть и

прошлое: коллективная память и международные отношения» утверждается, что коллективная память является мощным и значимым институтом международной политики, а следовательно и деятельным ресурсом «мягкой силы» [2].

Дискурсы исторической памяти выстраиваются как реконструкция структур идентичности (государственной, национальной, религиозной).

По словам известной немецкой исследовательницы исторической памяти Алейды Ассман политической целью мемориальной политики должно стать преодоление «асимметрии памяти» (ситуации, в которой возможность написания истории остается исключительно у победителей, в то время как побежденные обладают неофициальной и субверсированной памятью) [3]. А. Ассман разделяет понятия индивидуальной, коммуникативной и культурной памяти.

Появление исследований памяти было тесно связано с темой насилия. Как отмечает Энн Ригни, «существует тесная историческая связь между появлением этой области и зверствами, которые отметили недавнюю историю» [4, р. 80]. В связи с этим со временем определилась область исследований, анализирующая наследие коллективной травмы – научная школа *trauma studies*. В указанном направлении ключевым понятием становится историческая память жертвы трагических событий. По мнению итальянского историка Энцо Траверсо фигура «жертвы» связана с размыванием памяти о революциях и протестных движениях (антифашизме, антиколониализме и других) [5, р. 5-11]. Для западного научного истеблишмента указанное понятие трактуется как «жертва тоталитарного режима», намеренно искажается исторический контекст, и мы наблюдаем вымарывание, отрицание и отмену советской и российской истории.

В национальном дискурсе создается священное пространство для создания чувства патриотического резонанса. Помимо создания чувства общности, места памяти сохраняют социальное наследие исторических периодов коллективной травмы (война, оккупация, терроризм, геноцид), память о

такого рода событиях отмечается созданием «священных пространств» для последующих поколений. В данном контексте историческое сознание пересекается не только с политикой памяти, но и с политикой «травмы», по утверждению Марианны Хирш в работе «Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста» [6].

Джейми Рейнджер и Уилл Рейнджер (Оксфордский университет) в статье «К резонансной теории политики памяти» отмечают, что современные дебаты о политической идентичности и культурном наследии продолжают основываться на коллективной памяти и, по сути, превращаются в форму политического участия. «Места памяти» становятся методом переосмысления идентичности [7, р. 451-464].

Научный сотрудник Обсерватории электоральной психологии Лондонской школы экономики Сандра Обрадович в статье «Социальная психология контекста и в контексте: понимание временных, пространственных и воплощенных измерений современной геополитики» утверждает, что политические нарративы в значительной степени влияют и на коммеморативные практики, и на коллективную память [8, р. 577-589]. Мемориалы («места памяти» посвященные наиболее значимым событиям, в большей степени связанными с военной историей) влияют на политическое восприятие и историческую память, лежащих в основе геополитического взаимодействия с историческими событиями. Восприятие и память о войне и/или борьбе за независимость в разных странах относятся к конкретным условиям в каждой стране и влиянию, которое война оказала на каждую из них, что в каждом случае приводит к спорам о внутренней легитимности и идентичности.

Каждое поколение когорты разрабатывает собственные практики и способы взаимодействия с воспоминаниями и культурой памяти. Острота восприятия и акцентирования значимости событий памяти зависит от отношения человека к своему прошлому. Зачастую часто критика старших поколений в адрес младших касается прежде всего их «малознания» и «невежества» [9]. Однако последние «невежественные» поколения скажут то же самое о поколениях, которые придут после них.

Современные технологии предоставляют удобные формы фиксирования исторической памяти – банки памяти, куда пользователи мог загрузить

информацию о предке, связанную с историческим событием:

коллективизацией [https://паскулаченные.рф/], репрессиями 1930-х гг. [https://bessmertnybarak.ru/], Великой Отечественной войной [https://www.moypolk.ru/], специальной военной операцией. В числе основных задач, поставленных Президентом Российской Федерации Правительству Российской Федерации и Национальному центру защиты исторической памяти 15 января 2025 г. была следующая: создание архива с историями участников СВО, а также музея с материалами проекта «Без сроков давности» [10].

Посредством коммеморативных практик индивидуальная историческая память перестраивается в социальную память, становясь ключевым элементом идентичности, в которой она была заключена.

Коллективная память аккумулируется посредством значимого коллективного резонанса на то или иное событие. Она характеризуется тем, что члены определенной группы могут формировать схожие представления об историческом прошлом. Общественное осмысление производит коммеморацию индивидуальных воспоминаний.

Коллективная память имеет более широкий диапазон действия, чем память поколений, она обусловлена прошлым (которое принадлежит всем, но особенно тем, кто его пережил), настоящим, которое близко и проживается в одно и то же время, но «по-разному», т.е. зависит от интерпретации, и, наконец, будущим. История поколения проживается в настоящем, но понимается, когда определяющие ее события заканчиваются, то есть, когда мы дистанцируемся от исторического периода, который их создал и можем их идентифицировать.

Поколение состоит из «деяния» и «принадлежности»: войны, протесты, принадлежность к группе, которая разделяет что-то большее, чем один инструмент, чем одно событие, которое считается важным. Не случайно, что примеры фиксации исторической памяти, упомянутые выше связаны с «событиями травмы».

Приведем характерные примеры, мы провели интервьюирование 116 обучающихся, посвященное роли их семьи в истории России [11, с. 48-60]. Приведем некоторые выдержки из интервью (см. табл. 1).

Таблица 1

История России в восприятии обучающихся.

Table 1

History of Russia in the perception of students.

Тематика/ исторический период	Выдержки из интервью
Великая Оте- чественная война	<p>Я часто задаю себе вопрос: «Смог бы я поступить также, ценой своей жизни отстаивать мир?» Прадед прошел всю войну, но все равно покинул нас, мне не удалось застать его, спросить лично о том ужасе, что он прошел. Я часто представляю каким он был: отважным, храбрым, выносливым. Я считаю, что моя семья внесла немалый вклад в историю в те годы, также как и любая другая семья. У каждого человека дальний родственник воевал за мир и свободу. [респ. 14].</p> <p>В семье бережно хранят его [прадеда] фотографии. Я горжусь, что живу в одно время с ним. Историю творят не только герои, но и простые люди. И пусть их имён нет в книжках по истории моей страны, но их дела крепко вплетены в ее страницы [респ. 3].</p> <p>В каждой семье есть люди, оставившие отпечаток в истории России, внесшие в нее свой вклад. Без прошлого не может быть будущего. [респ. 51].</p>
Специальная военная опе- рация	<p>В настоящее время мой отец является участником СВО, он самоотверженной, смело и отважно воюет за Родину, за своих родных, я горжусь своим отцом, пусть всегда будет таким смелым и благородным героем нашей страны. и чтобы по скорее вернулся домой целым и невредимым [респ. 12].</p>

Чувство принадлежности – это способ, которым идентичность находит свои корни во времени, в пространстве и в отношениях, когда она встречает «других», группу и сообщество. Чтобы реконструировать коллективную память, недостаточно просто собрать воедино индивидуальные воспоминания членов группы, которые помнят разные аспекты одного и того же события. Такая реконструкция должна происходить на основе представлений, которые каждый член группы разделяет и взаимно обменивается с другими.

Выводы

Практики коммеморации недостаточно концептуализированы как в подходах, ориентированных на государство, так и в подходах, основанных на memory studies и trauma studies в связи со сложностью в отношениях между различными акторами и репрезентативными полями: индивидуальной памяти, памяти в гражданском обществе и национальных коммеморативных практик, организованных государством. Личная историческая память конструируется посредством культурных практик, действующих на уровнях гражданского общества и государства.

Отправной точкой для исследователей, работающих в парадигме жизненной истории, обычно являются смыслы войны и ее памяти, которые люди создают для себя и выражают своими собственными словами и историями. Акцент на государстве не обязательно означает неизбежно госу-

дарственно-центричную модель. Сложные взаимодействия и политическо-культурные отношения составляют общественную память, воплощенную как в местах и ритуалах памяти, так и в национальных «мифологиях» или общественных «легендах». Память имеет глубоко социальную и коллективную природу: наши воспоминания – это воспоминания, которые также разделяют многие другие люди, наша собственная группа или наше поколение. Нет ни одной индивидуальной или коллективной идентичности, которая не опиралась бы на память, понимаемую как интерпретация прошлого и как приверженность к будущей реальности.

Коллективные воспоминания являются мощным средством сплоченности. Не только воспоминания стабилизируют группу. Историческая память является красной нитью нашего существования, единым фундаментом, позволяющим единообразно идентифицировать нас самих и наше прошлое; это резервуар общих индивидуальных воспоминаний, которые имеют свои корни в социальной памяти.

Мы можем сказать, что существует много общих точек и расхождений между индивидуальной и коллективной памятью. Однако суть вопроса в том, что для индивида воспоминание является личным опытом, который может быть вызван в любое время и на который, однако, он имеет также коллективную «гиперссылку».

Список источников

1. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3 (40/41). С. 8 – 27.
2. Langenbacher E., Shain Y. Power and the past: Collective Memory and International Relations. Washington, DC: Georgetown University Press, 2010. 240 p
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 328 с.
4. Rigney Ann. Remembering hope: Transnational Activism Beyond the Traumatic // Memory Studies 11. 2018. № 3. С. 368 – 380.
5. Enzo Traverso, Left-Wing Melancholia. Marxism, History, and Memory (New York: Columbia University Press, 2016. P. 5 – 11.
6. Хирш М. Поколение постпамяти: письмо и визуальная культура после Холокоста: пер. с англ. Николай Эппле. Москва: Новое изд-во, 2021. 425 с.
7. Ranger J., Ranger W. Towards a resonant theory of memory politics // Memory Studies. 2023. Vol. 16 (2). P. 451 – 464.
8. Sandra Obradović, Orsolya Vincze, Gordon Sammut, Social psychology of context and in context: Understanding the temporal, spatial and embodied dimensions of contemporary geopolitics // British Journal of Social Psychology. 2025. № 10. P. 577 – 589.
9. Tassarolo, Mariselda. “A Meeting Place between the Individual and the Collective: the Cultural Memory”. HyperCultura 3.2. 2014.
10. Перечень поручений по итогам заседания Российского организационного комитета «Победа». URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/76440>
11. Воробьева Н.В. События гордости в исторической памяти молодежи // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. 2024. Т. 5. № 4. С. 48 – 60. DOI 10.53549/27132374_2024_5_4_6

References

1. Halbwachs M. Collective and Historical Memory. Neprikosnovenny zasap. 2005. No. 2/3 (40/41). P. 8 – 27.
2. Langenbacher E., Shain Y. Power and the past: Collective Memory and International Relations. Washington, DC: Georgetown University Press, 2010. 240 p
3. Assman A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. Moscow: Novoye Literary Observer, 2023. 328 p.
4. Rigney Ann. Remembering Hope: Transnational Activism Beyond the Traumatic. Memory Studies 11. 2018. No. 3. P. 368 – 380.
5. Enzo Traverso, Left-Wing Melancholia. Marxism, History, and Memory (New York: Columbia University Press, 2016. P. 5 – 11.
6. Hirsch M. The Postmemory Generation: Writing and Visual Culture after the Holocaust: trans. from English by Nikolai Epple. Moscow: Novoye Izd-vo, 2021. 425 p.
7. Ranger J., Ranger W. Towards a resonant theory of memory politics. Memory Studies. 2023. Vol. 16 (2). P. 451 – 464.
8. Sandra Obradović, Orsolya Vincze, Gordon Sammut, Social psychology of context and in context: Understanding the temporal, spatial and embodied dimensions of contemporary geopolitics. British Journal of Social Psychology. 2025. No. 10. P. 577 – 589.
9. Tassarolo, Mariselda. “A Meeting Place between the Individual and the Collective: the Cultural Memory”. HyperCultura 3.2. 2014.
10. List of assignments following the meeting of the Russian Organizing Committee “Victory”. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/76440>
11. Vorobyeva N.V. Events of pride in the historical memory of youth. Bulletin of the North-Eastern State University. History. 2024. Vol. 5. No. 4. Pp. 48 – 60. DOI 10.53549/27132374_2024_5_4_6

Информация об авторе

Воробьева Н.В., доктор исторических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3494-4635>, Омский государственный университет путей сообщения, 644046, г. Омск, пр. Маркса, 35, nat.vorobiova@gmail.com

© Воробьева Н.В., 2025